

Николай Захаров

Военные будни 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Анна Ермолаева
Военные будни, часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43227415

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга о военной, повседневной жизни солдатской периода ВОВ. 1941-1945. Им – солдатам – она посвящается. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

Однако выйти из леса велосипедисты не успели. Помешали появившиеся бомбардировщики Люфтваффе, очевидно поднятые командованием, обеспокоенным выдвижением русских к границе. В этот раз, как потом узнал старшина, налет был самым продолжительным, мощным и результативным. Немцы сразу накрыли мост, потеряв всего одну машину, сбитую зенитчиками на подходе и, карусель закрутилась такая, что от взрывов затряслась земля под ногами даже в двухстах метрах от переправы.

А летчики Геринга в этот раз, удачно пробомбившись с первого захода по понтонному мосту, принялись обрабатывать и близлежащие леса, в которых сосредоточилась и куда уползала с дороги техника. Детонировали боеприпасы и в этом аду, группа старшины Баранова дисциплинированно укрывшаяся в складках местности, тряслась вместе с землей, мечтая лишь о том, чтобы дым из трубы полевой кухни не привлек взгляд какого-нибудь паразита за штурвалом.

– Где наши истребители?– проорал в паузах между взрывами Черпак в ухо старшине и тот только мотнул в ответ досадливо головой,- "Отвяжись",– и будто бы услышав вопрос сержанта в небе появились наконец-то "сталинские соколы" на краснозвездных машинах, сходу вступив в бой и завалив пару бомбовозов. Истребители немцев, прикрывающие их,

тут же сбили в ответ пару наших и воздушный бой закипел прямо над переправой. Отбомбившиеся немцы, уходили обратно и прикрывавшие бомбардировщиков истребители, вертелись парами, не позволяя русским летчикам их безнаказанно сбивать. Обе стороны несли потери и в небе уже болтались парашютисты.

– Поздно подоспели. Звиздец мосту,– вздохнул сержант, поднимаясь с земли и отряхиваясь.– Все, отбой воздушной тревоге. Ушли сволочи. Металлолома оставили после себя гору и смылись,– сплюнул он в расстройстве.

– На финской территории у них аэродромы и у самой границы. А нашим, приходится летать на пределе возможного. Подскоки немцы не просто так пробомбили. Хоть наш возьми. Преимущество маневра и эффективность использования авиации на лицо. Пока наши теперь смотаются и перезаправятся, немцы еще два раза прилететь успеют,– старшина с сожалением взглянул в сторону переправы, где чадили дымом останки боевой техники и горел разбитый вдрезг мост.

Фрагменты горящие уносило течением, а к месту переправы уже спешили грузовики с саперами. Засуетились, растаскивая в стороны покоруженную технику с помощью уцелевшей и, застучали топоры рядом в лесу, валя деревья.

– Все, кончились понтонные, начались деревянные,– понял правильно и прокомментировал старшина.– За мной марш.

Переправляться решили стами метрами выше по тече-

нию от разбомбленного моста, соорудив плот из подручных средств.

– Лес кругом. За бревнами шагом марш,– скомандовал старшина, посматривая на небо. Попасть под бомбежку вторично на открытой местности не хотелось и, когда бойцы приперли пару бревен трехметровой длины, он не стал сооружать что-то изысканное, а попросту стянул их веревкой, бывшей короткое время поводком собачьим. Ёшка вертелся вокруг суесящихся бойцов и, похоже, что бомбежка его напугала не очень.

– Тупая ты скотина,– погладил его по спине Сафронов.– Пока по башке не попадет, не поймешь. Не мешай.

Получившийся в результате всеобщих усилий плот, позволил переправить за два захода велосипеда с имуществом, а личный состав заодно искупался, совместив приятное с полезным. Ёшка в воду за Сафроновым сиганул не раздумывая и вылез вслед за ним на противоположный берег так же следом. Отряхнувшись, он коротко твякнул, будто доложил что все у него в порядке и старшина рассмеялся, указав на него:

– Степана опекает. Вперед не лезет. Сзади контролирует. Прямо Ангел Хранитель.

– Эх, как дурак, так счастье,– притворно вздохнул Черпак.

– Да у него ума поболее твоего будет, между прочим,– прикинулся непонимающим Сафронов.– И он, между прочим, жизнь тебе может быть спас. Вон какой стал опять розовый, как поросенок на Рождество,– ухмыльнулся при этом

Сафронов так самодовольно, что Черпак впервые изменил своему правилу и оставил последнее слово за ним. Взглянул, хмыкнул и принялся облачаться в майорскую гимнастерку, морщась от боли. Водные процедуры, очевидно, не пошли на пользу раненой и почти выздоровевшей руке.

– Что? Нечем крыть?– обрадовался своей маленькой победе Сафронов.

– Нет, просто я действительно искренне благодарен Ёське. Хороший пес, настоящий. Ты его не прогоняй,– ответил тихо Черпак, присаживаясь на траву и сворачивая сигарку.– Давай покурим, Степ. А вот скажи мне честно...– протянул он ему кiset,– ты чего ко мне стал цепляться с первого дня? Не понравился что ли?

– Да нет,– присел рядом Сафронов,– характер у меня такой просто. Самому бывает тошно от него. Язык мой – враг мой. Леха, ты чего от коллектива отрываешься?– позвал он Иванова, копошащегося у использованного плота.

– Веревку развязываю. Узлы зараза намокли и никак,– отозвался Леха.

– Да брось ты ее. Нахрена она тебе сдалась?

– Пригодится. Мало ли. Сколько еще рек там...– махнул Иванов рукой в сторону Выборга.

– Эта последняя, через которую вплавь приходится, остальные ручейки,– ответил ему Черпак.

– А Вуокса? Я слышал, что широкая она.

– Она не пересекает наш предполагаемый маршрут. Вдоль

нее пойдём,— ответил сержант, но Иванов продолжал упрямо копать у плота и старшина швырнул ему нож.

— Не мучайся, перережь, коль хозяйственный ты у нас такой оказался. И свой почему на поясе не носишь?

— Не привык я к ножам,— улыбнулся Иванов виновато и даже покраснел как девушка, будто уличили его невесть в чем предосудительном.

— Привыкай. Нож в лесу — первый инструмент. И у солдата на войне, после ложки тоже,— старшина присел рядом с Черпаком и спросил:

— Что рука?

— Да нормально. Намочил дурак и заныла чего-то. Переохладил наверное.

— Врач вон он,— кивнул головой в сторону Ёськи старшина, но с медом проблема.

— А сгущенка годится?— спросил Иванов.

— Годится. Только к чему спрашиваешь? Мед, пожалуй, даже проще здесь найти, чем сгущенку.

— Так она всегда в любом сельмаге зато есть. Мед не всегда, а сгущенное молоко всегда,— уверенно заявил сибиряк, присаживаясь и закуривая.

— Это в Сибири у вас она всегда. Потому что народ ее не покупает. Обходится натуральными продуктами, а к консервам с недоверием относится. А здесь, я бы не сказал, чтобы ее всегда навалом стояло. В городе да, а в сельмагах что-то я и не видел ее,— возразил ему Черпак.— И где тут ближайший

сельмаг теперь? И если открыт, то наверняка шаром покати. Если только в лавке военторговской. Только где ее в этом бедламе сыщешь? Да и не болит особенно рука-то у меня. Так что не нужно ничего. Ни меда, ни молока. Обойдусь. В Выборге, если что, отоваримся.

— В Выборге — само собой. И врачи там, в халатах есть, а не шерстью заросшие,— пошутил Сафронов.— Положат тебя, Яшка, в госпиталь, а там сестрички в халатиках... Красота. Даже завидно.

— Да здоров я уже почти. Чего это меня положат?— Черпак взглянул на старшину и во взгляде его было столько мольбы, что он махнул рукой и поделился скорректированными планами с остальными членами группы.

— Меня, значит, проводите до части, а сами в Ленинград?— помрачнел Иванов.

— Ну, так мы же на сборах и имеем право схитрить, а ты как? Мы бы с радостью, но ведь дезертирство тебе навесят. Первый же патруль военный в Ленинграде остановит и задержит. А там и до трибунала рукой подать. Оно тебе надо?— взглянул на него с сочувствием старшина.

— А если нет части уже на месте? Если выбыла? Тогда как? Товарищ старшина, я год прослужил рядом с Ленинградом и ни разу в нем не был. Стыдно будет родичам в глаза смотреть, когда спрашивать станут, какой он город Ленина.

— Дембельнешься и на обратном пути заскочишь. Я тебе свой адресок чиркну и останавливайся, живи хоть месяц,—

улыбнулся ему старшина.

— И наши запиши. Мы все с Васильевского, так что не далеко друг от друга живем. Павлович на 15-ой линии, к Среднему, а я на третьей, ближе к Малому. А ты, Степан, где?

— На Среднем живу, в начале, дом десять. Записывай, Ле-ха, пока не передумали,— подмигнул тот Иванову.— Подфартило тебе. У каждого по месяцу поживешь — это же все лето. Вдоль и поперек весь город облазишь и будет что потом в Сибири родичам трюндеть про него.

— Давайте,— обрадовался Иванов,— а вы мой сибирский запишите. Мало ли судьба зашвырнет. Рад буду принять гостей. Товарищ старшина, бумагу бы нам.

— Этого добра у меня полная планшетка. Держите,— старшина снабдил бойцов бумагой с карандашами и пока они занялись писаниной, отправился к мосту еще раз. Захотелось узнать жив ли младший лейтенант и очень обрадовался, встретив его на этой стороне реки с перевязанной головой, но живого.

— Цел?— поприветствовал, как старого знакомого.

— Мимо пока,— улыбнулся и лейтенант.— Говори громче, мне ящиком снарядным по башне прилетело,— и тут же по-мрачнел.— Ребят половина побило и зенитку разнесло. Хорошо попали гады. Метко отбомбились. Такого налета еще не было. Так что теперь я без орудия, старшина. Пытаюсь связаться с начальством, но пока безрезультатно. А вы как?

— А мы в лесу, рядом с кухней переждали налет. Кухня в

порядке,— крикнул старшина.

— Ну, это ты слишком громко орешь,— поморщился зенитчик.— Уходите?

— Да, попрощаться заскочил и спасибо за хлеб соль сказать. Даст Бог, свидимся еще и, тогда отплачу, чем смогу. С меня пол литра,— пообещал старшина.

— А у меня есть,— подмигнул ему младший лейтенант.

— Что есть?— не понял старшина.

— Спирт. Тут санитарную машину разнесло слегка, вчера, ну и ребята проверили целостность содержимого. Людей всех побило, а бутыль лежит себе на боку и хоть бы хны. Могу отлить пару литров. Ну, и помянем парней моих,— предложил младший лейтенант.

— А давай,— не стал кочевряжиться старшина, снимая с пояса флягу.

В блиндажике зенитчиков они и присели, выпив наскоро по сто грамм. Налил младший лейтенант прямо в котелок из десятилитровой стеклянной бутылки, а уж из него разлил по кружкам.

— Ну, за помин душ убиенных и нашу победу,— произнес он дежурный тост и метнул свою порцию так лихо, что старшина только крякнул и чуть не захлебнулся теплым спиртом, пытаясь не отстать от зенитчика.

— Закусь, извини, простая,— сунул ему галетину в руку зенитчик.— Ну и запасайся, пока не передумал,— пошутил он

— А что, можешь?— удивился притворно старшина.

– Эх, старшина. Да нет, конечно. Ребят жалко, а эту дрянь, чего ее жалеть? Ты думаешь, мы тут ее пить собираемся за-место службы? Да пропади она пропадом. Стояла два дня, никто и не облизнулся. Медикам думал вернуть, первым же подвернувшимся, да забегался...

– Спасибо, только у меня с собой фляжка одна. Два литра в нее не влезут,— посетовал старшина.

– Ну, этого-то добра... Рядовой Сидоренко,— в блиндаж тут же сунулась конопатая физиономия красноармейца.

– Флягу пустую организуй,— распорядился младший лейтенант и через минуту протянул ее старшине.

– Держи.

– Спасибо,— еще раз поблагодарил старшина и отдался Парабеллумом, приведя парня в мальчишеский восторг.

– Мне?— не поверил он удаче неожиданной.

– Бери. У меня еще один есть. Группу диверсантов ликвидировали и там два офицера с такими машинками оказались.

– Ну, старшина, ну...— младший лейтенант так расчувствовался, что даже полез обниматься.— Запиши адресок, пересечемся после войны,— предложил он и надиктовал свои координаты, записав адрес старшины.

– Рядом почти живем. Заходи запросто.

– А у меня еще и телефон есть в квартире,— похвастался старшина, добавив к координатам своим и номер телефона.— Звони.

– Обязательно,– протянул руку зенитчик.– А нам давно обещают телефонисты, но пока без этого удобства.

Вернувшись, час спустя к своим, старшина сразу попал под критический взгляд принявшего его рядового Сафронова, что-то буркнувшего при этом себе под нос.

– Что, Сафронов, ты там бормочешь? Думаешь, на других гавкаю, а сам пришел выпимши? Да, принял сто грамм за упокой душ парней. Там половина взвода погибла во время бомбежки. И отказаться было нельзя. Но я с собой принес целых две фляги и спирта причем. А пить его в одну харю, у меня харя треснет. Так что, ты там не бурчи и меня с собой не сравнивай.

– Так это... По грамулке?– расплылся в улыбке рядовой.

– Вечером, после ужина. Потерпите. Жарища же стоит. Я вон сто грамм всего принял и сразу развезло. А если мы тут начнем сейчас, то хрен выйдем и ехать как?– отмел его предложение старшина.– Вечером, Степа, на ночь. Чтобы спалось и чтобы к утру выветрилось. И губу прибири, что ты в самом деле?

– Да я ничего,– скуксился Сафронов, поднимаясь и хватаясь за свой велосипед.

– Тогда за мной марш. Пока эти сволочи опять не налетели,– скомандовал старшина.

А вот ехать им практически и не пришлось. Дорога оказалась настолько заполнена, что впору было и велосипеды бросив, перемещаться рядом с ней по местности очень для них

не приспособленной. К военным, спешащим в сторону границы, добавились гражданские, уходящие в тыл. Пропускная способность трассы не позволяла этим двум встречным потокам мирно сосуществовать и военные, пользуясь преимуществом, гнали гражданских на обочины, безжалостно вышвыривая их в эти пресловутые "складки местности".

Сразу же после окончания зимней кампании, правительство Страны Советов, радея о вновь приобретенных территориях, всячески способствовало переселению сюда населения из других регионов страны. И люди приехали, заняв брошенные предыдущими хозяевами земли. И теперь они уходили, понимая, что вернувшись, те предъявят им претензии и уйти все равно придется... если отпустят.

Гужевой в основном транспорт беженцев вынужден был дорогу освободить и пережидать поток военный в окрестных лесах довольно болотистых и для телег труднопроходимых. С этой же проблемой столкнулись и велосипедисты, уткнувшись в первое же озерцо, примыкающее к дороге и больше похожее на болото. В этом месте оно еще и на трассу выплеснулось, добавив проблему военным дорожникам и, саперы решили ее просто. Соорудив настил из бревен, длиной метров в пятьдесят и танки теперь грызли его траками с остережением, воя двигателями. Беженцы проложили вокруг болотца обходную тропу, взявшись кое-где за топоры и по ней колдобистой и топкой, медленно огибали препятствие, влохась со своим скарбом. Многие тащили с собой домашнюю

скотину, привязав ее к телегам и, это добавляло столько экзотики, неудобств и дополнительного шума, что старшина не рискнул провести бойцов по этой дороге жизни, втиснувшись между прущим гужевым транспортом.

– Переждем, может, товарищ старшина? К вечеру всяко рассосется встречное движение, тогда и нагоним потерянное время,— высказал здравое вполне предложение Черпак.

– Оно конечно так, но торчать вот здесь тоже не самая замечательная идея. Давай левее попробуем обойти все это вавилонское столпотворение лесом, а там посмотрим,— принял решение старшина и повел бойцов в обход. Однако тут же и пожалел об этом через сто метров. Путь преградило уже не озерцо, а полноценное болото, чавкающее под ногами и смердящее сероводородом. Оно заставило группу огибать его, уклоняясь еще левее, а в итоге развернуло их в обратном направлении, так что еще через пару сотен метров старшина плюнул и отказался от своей идеи обхода, скомандовав: – Привал,— а потом сидел, курил и думал, как из этой скверной ситуации выползти:

– Эх, местного бы кого-то привлечь. Может быть, тут вообще есть проходы, только мы про них не знаем. Сверху за нами смешно, наверное, наблюдать. Тычемся тут, как слепые котят,— со вздохом поделился он своими соображениями с сержантом.

– Где его взять, местного? Вон из тех? Так они сами тут недавно поселились и места эти знают не лучше нашего. Нам

бы на ту сторону дороги перебраться – правую. Там суше вроде бы.

– Да один хрен, что там, что здесь, – махнул рукой старшина. – Леха, сгоняй к дороге, разведай, может, рассосалось там или встали уже? – сибиряк сбегал быстро и, вернувшись, сообщил, что техника прошла тяжелая и теперь прет колесная:

– Это надолго, конца им не видно. Может и наш полк тут шурует сейчас?

– Может. Соскучился? – взглянул на него мрачно старшина.

– У меня там земляки, – неопределенно ответил рядовой.

– Тогда встань на обочине, растопырься, может, узнает кто из них и все, нет проблемы, – предложил ему старшина.

– Как это растопыриться? – не понял Иванов.

– Раком, – отрезал старшина, обидев парня так своим ответом, что тот даже засопел, отвернувшись.

– Разводи костер, комарье уже зажрало, – и не подумал извиняться старшина, пребывая в скверном расположении духа и рядовой огрызнулся: – Так сидим, потому что в болотине.

– А где тут не болотина? – взглянул на него старшина с укором.

– Ближе к дороге. А на той стороне вообще поле колхозное. Нам бы туда перебраться, товарищ старшина, и справа попытаться прорваться? – Иванов понял, что обижаться бесполезно и опять озвучил сержантское предложение, – нужно

влиться в поток встречный и выскочить из него на ту сторону,— развил он свою мысль.— Там и пехота прет пехом. Вполне можем сманеврировать.

— Пошли,— встал на ноги старшина и, затоптав окурок, первым увел свой велосипед в сторону трассы. И здесь им повезло, если так можно назвать очередной налет вражеской авиации, одним своим появлением очистившей грунтовку, разбитую траками танкового корпуса. Эскадрилья штуркасов прошла на бреющем, поливая разбегающихся людей из пулеметов и залегшие велосипедисты, по команде старшины пересекли дорогу опустевшую, сразу же после пролета немцев. Сволочи эти, однако, развернувшись, прошли еще раз в обратном направлении, но группа к тому времени уже залегла на противоположной стороне, правда, в поле и была замечена сверху одним из пилотов, уделившим ей свое персональное внимание. Прошелся прямо над ними, расходуя боезапас и, старшина дернулся, услышав над головой свист пуля. Вжался в землю, прикрыв инстинктивно голову руками и, услышал рядом пару ударов чем-то тяжелым по металлу и болезненный вскрик кого-то из бойцов. Самолеты скрылись за кромкой леса и старшина сел, оглядываясь.

— Кого зацепило?— спросил он осипшим от волнения голосом и, не услышав ответа, переспросил:

— Черпак, Сафронов, Иванов?

— Я.— Я.— Я,— отозвались три голоса и старшина, облегченно вздохнув, опять задал первый вопрос:

— Кто, кричал?— Дак у меня по велику попало, ну и он ногу крылом царапнул,— откликнулся Иванов.

— Ну, это перетерпишь, а что с велосипедом?— обеспокоился старшина целостностью трофейной техники.

— Седлуху пробило, остальное в порядке,— доложил Иванов.

— Отделались легким испугом,— подвел итог старшина.— Подъем. Вперед к лесу,— лес, на правой стороне, действительно оказался более сухим, но и людьми заполнен по этой причине интенсивнее. Группа, сходу в него влетев, сразу же нарвалась на стадо крупного рогатого скота, которое так же гнали в тыл колхозники. Пастухов было пятеро, все верхом, а поголовье такое, что старшина даже растерялся, пытаясь сориентироваться в нем, прущем казалось, что со всех сторон.

Коровы выскакивали неожиданно из-за деревьев с выпученными от ужаса глазами и группа вынуждена была прижаться к сосне, отгородившись от стада велосипедами.

— Затопчут нахрен и не заметят,— пробормотал Сафронов, подобравший увесистую дубину полутораметровой длины и отпихивающий ей от себя животных. Появившемуся пастуху на лошаде он же и крикнул, пытаясь доораться до него сквозь мычание паническое перепуганных коров.

— Эй, парень, долго нам тут еще под елкой торчать?— пастух его вряд ли услышал, но и без слов, очевидно, понял, что у него спрашивают, прижавшиеся к дереву военные и вывер-

нув кобылу прямо к ним, крикнул, проносясь мимо:

– Это последние.

– Ну, слава Богу,— отозвался старшина, в следующую секунду отшатываясь от выскочившего прямо на них рогатого монстра с кольцом в ноздрях. Монстр — бугай стадный, мотнул головой, ткнулся мордой в дубину, подставленную Сафроновым, мыкнул утробно и, развернувшись, как танк на месте, ушел вслед за поголовьем любимым, напугав личный состав до дрожи коленной, пожалуй, не меньше чем авианалет, только что пережитый.

– Чисто Зубр. В холке метра два,— дрожащим голосом поделился своими впечатлениями Сафронов.

– Пустили бы его вместо КВ на финнов, он бы их до самых Хельсинков догнал,— поддакнул ему Иванов и тоже голосом не самым мужественным.

– А Ёся где?— вспомнил о своей собственности Сафронов.— Ёся, Ёся,— позвал он и, не увидев пса, явно огорчился этим обстоятельством.— Затоптали пса.

– А я его вообще после дороги уже не помню,— огорчил его еще больше Черпак.

– Погиб пес смертью храбрых,— предположил старшина, оглядываясь.— Все, кончилось стадо. Почапали, братцы. Чего стоять? А вон и твой лохматый появился,— обрадовал он Сафронова, первым заметив, выскочившего к ним Ёську. Пес прыгал вокруг, ставшими его стаей, людей и визжал от радости, что нашел их.

– Говорил же я тебе, что хрен он от тебя отвяжется теперь,— напомнил старшина, обрадовавшемуся Сафронову, присевшему рядом с Ёськой и глядящему его по голове.

– Умница,— нахваливал, тот пса и Ёська млел от счастья.

– Расцелуйтесь еще,— посоветовал ему старшина, двигаясь вслед за стадом и перешагивая через коровьи лепешки, проворчал,— Весь лес загадили, заразы. Нужно правее забирать, где они не перлись,— однако, правее опять уткнулись в топкие места и пришлось вернуться на коровьи следы, ведущие в то самое светлое будущее, к которому они всей группой стремились уже неделю и которое никак не наступало.

Все же до вечера группе старшины удалось преодолеть еще километров десять, по его прикидкам и скомандовав: — Привал,— он хоть и несколько мрачно, но высказал вполне оптимистичное мнение:

– Более-менее. Третью пути прошли. Если в таком темпе будем двигаться, то еще пару дней и мы в Выборге.

– Тридцатое сегодня июня кажется. Кто помнит?— спросил сержант, распаковывая поклажу и расстелив плащ-палатку.

– Ну, я помню, тридцатое. А что?— ответил Сафронов, также возясь со своим имуществом.

– День рождения у меня сегодня, мужики. Двадцать шесть стукнуло,— сообщил всем сержант.

– Поздравляем, вот повезло же тебе, Яков, родиться именно сегодня. Как знал, что встречать будешь его на чистом

воздухе, в компании исключительно мужской и что найдется у них пара литров спирта на этот случай,— пошутил старшина, под одобрительные улыбки Иванова с Сафроновым и смущенную Черпака.

— Пьянка намечается по этому поводу,— потер ладони Сафронов и принялся копать в своей поклаже, готовясь к мероприятию, отталкивая, сующего в нее нос Ёську.

— Отметим, конечно,— не стал возражать старшина,— но в меру. По сто грамм и все.

— Че там пить-то, сто грамм? Это как вон тому бугаю дробина,— попробовал пробить заранее запрет Сафронов и получил такую тираду от старшины в ответ, что сержант опять пожалел, что записать нечем, а Ёська брызнул в лес и целый час потом, нос свой не высовывал.

— Так бы сразу и сказали,— проворчал Сафронов и за праздничным ужином молча проглотил свою порцию спирта, зажевав его курятиной. И даже, когда смягчившись, старшина разрешил принять еще по сто граммов, не очень-то этому обстоятельству и обрадовался, пожав только плечами неопределенно, выпил и опять засопел, удивив своим молчанием весь остальной личный состав.

— Обиделся что ли,— спросил его старшина,— а, Степа?

— Чего это?— взглянул на него рядовой невозмутимо.— Не положено нам. По уставу, товарищ старшина.

— Ах, вон ты чего,— понял его молчаливый демарш старшина.— Дистанционировался. Мол, ты начальник — я дурак.

Так что ли?

— Так,— взглянул на него опять рядовой, но уже с некоторым вызовом,— что не прав я скажете?

— Да прав, конечно,— согласился старшина.— С твоей кочки болотой, если на жизнь смотреть.

— А если с вашей?

— С моей чуток иначе. У меня ответственность не только за себя, но и за тебя оглоода и по тому же уставу, и по совети. Так что ты уж потерпи, родной, когда слезешь с моей шеи,— усмехнулся старшина.

— Я, с вашей?— вытаращил на него глаза Сафронов.— Я-то как раз наоборот думал.

— Не правильно думал, Степа. Вот скажи ты мне, если сейчас из лесу патруль военный выскочит и станет вопросы задавать, то, что ты станешь делать?

— Что? Так вы же старший здесь и ответите за всех,— произнес, не задумываясь Сафронов.

— А если они меня арестуют, засомневавшись в правдивости моих слов, то, что ты станешь делать?— задал следующий вопрос старшина.

— Если арестуют, тогда и думать стану, а чего заранее пургу гнать,— ответил рядовой, опять особенно не задумавшись.

— Вот видишь, ты спрятался за моей спиной. Не такой уж и широкой. У тебя, Степа, по сравнению со мной, есть преимущество... Тебе есть на кого валить, если что. На меня. Я твоя броня и отмазка. Так что сел ты на мою шею плотно и

еще погонять норовишь, чтобы я вез и не взбрыкивал. Вольницу тут тебе разрешил. Гуляй рванина... Хрен вот тебе,— закончил старшина.

— Да уж,— поскреб озадаченно за ухом Сафронов,— впору прощение просить мне у вас, Алексей Павлович. Так выходит. Вы, ежели что, за меня поплатитесь. А я вроде как тот бугай, тупой?

— Почему как?— рассмеялся старшина.— Хрен с тобой, уболтал, наливай, Леха, еще по сто грамм и отбой. Завтра подниму рано. Дежурим по очереди.

Первым старшина и отсидел до полуночи, подняв Иванова и укладываясь на нагретое им место, посоветовал:

— Ты, Леха, если что увидишь подозрительное, буди, не стесняйся. Только не пали в белый свет, как в копеечку, навроде Степана. Здесь не хутор. Гражданские опять же шляются. Подстрелишь еще кого-нибудь, будешь потом казнить всю оставшуюся жизнь.

— Хорошо, товарищ старшина. А если этот... ну, Морозов подкрадется?

— Тоже буди. Давно не виделись,— пошутил мрачно старшина.— Узнаешь если его в потемках, то стреляй, не раздумывая. Подкрасться ему не позволяй. Зарежет или шею свернет в две секунды,— старшина отвернулся от рядового и тот залег в обнимку с автоматом, чутко прислушиваясь к окружающей среде. Перспектива получить ножом по шее или ее же получить свернутой, так впечатлила Иванова, что

сон у него пропал мгновенно, а адреналин в крови зашкалил, заставив сердце стучать так громко, что он даже поморщился, досадуя на самого себя.

Иванов и разбудил старшину час спустя, теребя нетерпеливо за плечо и шипя ему в ухо:

– Товарищ старшина, Алексей Павлович.

– Что?– разлепил глаза старшина.

– Ползает кто-то рядом,– свистящим шепотом сообщил рядовой.

– С чего ты взял, что ползает? Может, показалось все же?

– Нет, точно. Ёся встрепнулся и вон за те кусты умотал, а там пару раз взвизгнул. Точно, Морозов этот тут ошивается.

– Морозов!– гаркнул старшина во весь голос, будя спящих.– Ты здесь, кукушонок? Чего молчишь, оглодыш?

– Здесь,– донеслось вдруг из леса в ответ.

– Чего надо, придурок?– крикнул опять старшина.

– Нож отцовский верни и вали со своими архаровцами хоть в Сибирь,– прозвучало в ответ.

– Иди, возьми!– крикнул старшина, заводясь.

– Щас,– ответил Морозов,– когда ты один останешься, тогда и приду. Рядовых передую по одному и приду,– пообещал он самоуверенно.– Оставьте нож на лежбище утром и тогда никого не трону, кроме тетки-сибирячка. Этому я все равно шею сверну за батю.

– Вот гад,– задергался Иванов,– я же ему сказал давеча, что это я Авдеича убил.

– Эй, Морозов, он тебе соврал. Не он это. Это я твоего папаню завалил,— крикнул старшина, решив успокоить парня.

– Тогда пусть они уходят, а с тобой мы разберемся, как мужчина с женщиной,— проорал в ответ Морозов, явно стервенея.

– Да хоть сейчас,— психанул старшина, вставая на колени.

– Жду и, нож не забудь, сволочь!— поднял градус злобы в голосе Морозов.

– Иду,— вскочил на ноги старшина и оттолкнул, вставшего на пути Иванова.

– Товарищ старшина, нужно всем пойти и расстрелять гада из четырех автоматов,— заблажил сибиряк.

– Ты меня за кого принимаешь, тетка?— прихватил его за грудки старшина.— Я что, похож на суку? Сам разберусь,— и крикнул во все горло:

– Эй, Морозов.

– Что?— немедленно отозвался тот.

– Сходимся один на один. Мои не вмешиваются. Пусть Бог решает, кому жить, а кому загнуться в этом лесу.

– На ножах?— спросил Морозов деловито.

– Хоть на оглоблях,— рявкнул в ответ старшина.

– Тогда на ножах. Побожись, что твои не увяжутся следом,— поставил условия Морозов.

– Вот те крест,— крикнул в ответ старшина, перекрестившись и, цикнул на подчиненных:

– Сидеть здесь и не дергаться. Если жив останусь, то крик-

ну. Если он меня кончит, то делайте потом что хотите.

– Алексей Павлович... – начал было сержант Черпак, очевидно, намереваясь вразумить старшину, но тот швырнул ему ремень, сняв с него ножны с ножом булатным и молча ушел в сторону Морозова.

Глава 2

Двигаясь осторожно и чутко прислушиваясь, старшина прошел метров пятьдесят и вышел на поляну. Замерев на ее краю, не такой уж и обширной, он позвал:

– Ты здесь, Морозов?

– Жду,— колыхнулась еловая ветвь на другом краю полянки, метрах в двадцати.

– Стволы в сторону,— предложил старшина.

– Давай, на счет три,— согласился Морозов, начав тут же отсчет.— Раз, два, три,— и честно отшвырнул от себя что-то темное.

Старшина тоже вынул из сапога ТТ и швырнув его в траву, спросил:

– Помолился, крысеныш?

– А ты?— ответил Морозов зло.

– Само собой. Пусть Он рассудит.

– Он рассудит, как надо,— уверил его Морозов.

– Я и не сомневаюсь, Леха,— сделал к нему первый шаг старшина, сжимая в кулаке его же бывший нож.

– И я,— шагнул на встречу Морозов.— Я тебя, скобаря, без ножа бы, одними голыми руками придушил,— нервно выкрикнул он при этом, сверкнув лезвием в лунном свете.

– Вижу,— сделал еще один шаг старшина.

– Нож у тебя мой фамильный, поэтому ты опаснее с ним

стал,— признался Морозов,— обмылок мелкий,— и прыгнул, в два шага преодолев разделяющее поединщиков расстояние. Нож при этом в лунном свете замелькал, перебрасываемый из руки в руку и старшина едва успел уклониться от лезвия, поднырнув и откатившись в сторону. При этом ему удалось, достать ногу противника и Морозов взвыл, не сдерживая эмоций: — Сука! Сучара!— орал он, кружась вокруг, вскочившего на ноги старшины, пытаясь достать его с разных рук и разными махами, демонстрируя навыки в ножевом бое. Второй раз старшина зацепил ему кисть левой руки и прыти Морозов сразу убавил, прикусив губу от боли.

Пошел крадучись вокруг него, делая ложные выпады и выбирая момент для нападения — последнего. Глаза его, с расширенными от боли зрачками, увеличились и глядели с чернотой потусторонней, пугая и завораживая. Старшина, стараясь не глядеть в эти безумством расширенные глаза, внимательно следил за их хозяином и ждал, стараясь не попасться на ложные выпады и держа нож жалом вперед, прямо перед собой. Ножевого боя он не знал. И как всякий дилетант, понимал, что сейчас он не на своем поле, где шансы его невелики, но принужденный обстоятельствами к этой схватке, присутствия духа не терял, надеясь на русское "Авось" и на Бога. Повторяя про себя.— "Господи, буди милостив мне грешному". А Морозов опять сделал ложный выпад, но дернувшегося старшину тут же и достал ударом в грудь. Нож ткнул старшину с такой силой, что у него сбилось дыхание, и

он нанес ответный удар в живот, почувствовав сопротивление тела и выдернув нож, отскочил от зашатавшегося и согнувшегося диверсанта.

Машинально потеряв место удара и, нащупав дырку в гимнастерке, удивился, что жив, чувствуя, как кровь течет по ребрам и уже намокают от нее галифе. Что-то помешало лезвию и оно, скользнув по препятствию, ушло в сторону, пропоров кожу и достаточно видать глубоко. Старшина мотнул головой и, сунув руку под гимнастерку, нащупал нателенный крест, смявшийся от удару в дугу.

– Спасибо, Господи,– прошептал он, прижимая локтем гимнастерку к порезу и вздрагивая от охватившего его озноба. А противник все еще стоял, согнувшись и старшина сделал шаг в его сторону, опасаясь, что это своеобразная хитрость и Морозов еще способен нанести ему удар последний. Но тот, поднял голову и оскалясь, попытался что-то сказать. Что-то злое, беспощадное и окончательно уличающее хотелось ему выплеснуть из себя вместе с вытекающей из брюшины кровью.

Только сил у него на это не хватило и стоять тоже. Ноги самопроизвольно подкосились, роняя тело в траву с мятыми и вытоптаннами ромашками, а старшина понял... это все. Поединок закончился. Противник не способен сопротивляться, и испускает, скорее всего, дух. Поэтому подошел ближе и прислушался к уткнувшемуся лицом в траву телу. Тело еще жило и хрипло дышало, не желая принимать смерть прежде-

временную. Его трясло и очевидно из последних сил, повернув лицо, Морозов прошептал довольно внятно:

– Будь все проклято.

– Дурак,– ответил старшина,– умираешь и проклятьями сыпешь. Покайся, придурок.

– Перед тобой?– прошипел в ответ Морозов.

– Перед Богом, дурак.

– Не в чем мне каяться перед ним,– нашел в себе силы сложить совсем уж длинную фразу умирающий, и притих, едва слышно похрипывая.

– Дураком прожил, дураком и умираешь,– безжалостно заклеил его старшина.

– Если бы мой нож был у меня. Я тебя на лоскуты бы порезал,– ответил Морозов и попытался подняться, зарывав зверем. Но на этом силы его иссякли, и он упал снова лицом в траву.

– Умер что ли?– спросил его старшина и, не услышав ответа, сделал еще шаг к телу, склоняясь над ним. Дыхания он не услышал и, повернувшись, ушел с оскверненной убийством поляны.

К месту ночлега вышел, едва волоча ноги, метров за десять крикнув:

– Это я, мужики,– и вся троица, кинулась к нему на встречу, поняв по тяжелому дыханию и бледному в свете Луны лицу, что "отец-командир" ранен.

– Кончил я гаденыша,– простонал старшина, опускаясь на

колени и, попросил:

– Помогите снять гимнастерку. Зацепил лезвием. До ре-
бер достал.

– Перевязаться нужно,— засуетился личный состав, оказы-
вая ему помощь. И уже через полчаса старшина сидел, при-
валясь спиной к березке, замотанный как египетская мумия
и с удовольствием перекуривал.

– Вам тоже необходимо принять сабачью терапию. Реко-
мендую,— рядом пристроившийся Черпак, помахал ранен-
ной рукой, демонстрируя результат.

– Меда нет, сметаны нет, и пса теперь тоже нет. Свернул
шею Ёське Морозов. Наткнулся я на труп его, когда к полян-
ке шел. За измену покарал пса.

– Падла,— угрюмо отозвался Сафронов.— Точно сдох гад?

– Пойди, проверь. Я пульс не щупал,— ответил старшина
и Сафронов, ушел с автоматом в сторону поляны. Вернулся
через пол часа и присев, молча закурил.

– И что?— нарушил молчание Черпак.

– Морозовдохлый валяется. Вот, наган милицейский на-
шел и ваш ТТ, товарищ старшина,— выложил стволы Сафро-
нов.— И Ёся тоже умер. Утром похороню,— старшина, молча
взял пистолет, молча сунул его в сидор и, поморщившись,
сказал: – В баньку бы сейчас или в речушку на крайняк.
Кровь аж до сапог успела дотечь.

– Шрам этот теперь на всю жизнь вам память. Повезло,
что вскользь лезвие прошло. А помыться, конечно, в баньке

хорошо бы,— поддержал разговор Черпак, шурясь на первые лучи восходящего солнца, блеснувшие между стволами деревьев.— Первое июля.

— Десятый день войны, а будто уже год прошел,— подсчитал Иванов.

— Другая жизнь началась девять дней назад у нас с вами... У всей страны другая,— заметил старшина.— Время событиями наполнилось, вот и кажется, что год. А где-нибудь в Африке, какой-нибудь негр ничего такого не замечает. Мотыжит свои кокосы на плантациях и кажется ему, что ничего не изменилось. Эх, орлы. Может, вздремнем еще пару часиков? Не дал ведь выспаться придурок этот,— оглядел притихших бойцов старшина.

— Какой там сон...— ответил за всех Сафронов.— Пойду я, Ёсю похороню.

— А я прилягу все же,— как можно более беспечным тоном заявил старшина,— покемарю пару часиков,— и бойцы переглянулись с пониманием. "Не хочет слабость показать". А у старшины кружилась голова, и пересохло во рту.— "Не хватало еще мне тут разболеться",— подумал он и осторожно прилег на плащ-палатку, брошенную поверх наломанного елового лапника. И сам удивился, что глаза у него сразу заслипались, и он провалился в сон, как в яму. Проснулся сам, никто его не будил. Выспался. И глаза открыв, вспомнил, прежде всего, о ночной схватке. Вспомнил и испугался до коленной дрожи. Будто еще ничего не было и только пред-

стояло.— "Это я после выпитого спирта таким лихим был, а сейчас похмелье наступило",— подумал старшина и, приподняв голову, удивился. Лежал он все на том же лапнике, но накрытый сверху шинелью и более того, над ним был сооружен полог из еще пары плащ-палаток, так что солнечные лучи, просвечиваясь через них, не позволяли определить который час.

Старшина взглянул на свои наручные часы и не поверил глазам, они показывали десять часов:

— Ничего себе пару часиков покемарил. Все пять получается,— попенял он сам себя и попытался сесть, охнув при этом от резкой боли и рухнув обратно. Шок закончился и, теперь ощущение было такое, будто вчера его не полоснули слегка ножом, а разрубили пополам шашкой. Полежав минут пять и, оклемавшись, старшина повторил попытку, стараясь не потревожить бинты и вцепившись руками в ткань плащ-палатки. С трудом ему удалось сесть, почти уперевшись в наброшенную на распорки еще одну и когда голова кружиться перестала, дернул ее, срывая с жиденьких кольев. Открывшаяся перед ним картинка старшине не понравилась своим безлюдьем и он, скрипя зубами от боли, покрутил головой, убеждаясь, что сидит в лесу один и, никого рядом больше нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.